

УДК 9 (63)

**МИФОЛОГИЗИРОВАННЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ
КОММУНИКАЦИЯХ: ЭФИОПСКАЯ ИМПЕРИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ**

© 2010 г.

С.В. Григорьева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

svetl-grigor@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.05.2010

Анализируются стереотипы восприятия Эфиопии, распространенные в Российской империи в конце XIX – начале XX века, причины и условия их формирования, соответствие их действительности.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, Россия и Эфиопия, стереотипы восприятия.

Человек, воспринимая мир в соответствии с представлениями, отношениями и ценностями, господствующими в его родной культуре, ведет себя в соответствии с ними. Поэтому представления людей о мире всегда относительно и разнообразны. Чтобы понять, почему представитель другой культуры ведет себя именно так и не иначе в определенном социокультурном контексте, следует прежде всего разобраться, как он воспринимает этот мир, увидеть ситуацию его глазами, представить себе, как работает его восприятие. В процессе интерпретации поведения представителей одной культуры представителями другой содержание казуальной атрибуции во многом определяется стереотипными представлениями об образе жизни, обычаях, нравах, привычках, то есть о системе этнокультурных свойств того или иного народа. Основу таких представлений составляют упрощенные ментальные репрезентации различных категорий людей, преувеличивающие сходство между ними и игнорирующие различия. Стереотипные представления человек обычно привлекает тогда, когда он не имеет возможности интерпретировать каждый новый факт или ситуацию более глубоко или сознательно отклоняется от такого подхода. В процессе межкультурной коммуникации стереотипные представления занимают значительное место. Кроме того, под стереотипом понимаются устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения. Это своего рода шаблоны, штампы, образцы поведения, принятые в той или иной культуре.

Стереотипы отражают общественный опыт людей, общее, повторяющееся в их повседневной практике. Они формируются в результате совместной деятельности путем акцентирования сознания на тех или иных свойствах окружающего мира, которые хорошо известны, видны

или понятны большому числу людей. По своему содержанию стереотипы представляют собой концентрированное выражение этих свойств, наиболее схематично и понятно передающих их сущность. В повседневной жизни наибольшее распространение получили *этнические стереотипы*. Такого рода клише становятся основными детерминантами общения для представителей соответствующих групп [см. подробнее 1–3].

Темой данной статьи являются мифологизированные образы Эфиопии, распространенные в Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Несмотря на то что история русско-эфиопских отношений изучена достаточно хорошо [4–13], проблема стереотипов Эфиопии, причин и условий их формирования в российском общественном мнении не была предметом специального исследования отечественных и зарубежных авторов, но начало этому процессу уже положено [14].

Интерес образованной части российского общества к Эфиопии, ее истории и народу был связан с общей тенденцией, наметившейся в отечественном востоковедении с середины XIX века, когда Ближневосточный регион и страны Северо-Восточной Африки заняли одно из важнейших мест в системе международных отношений.

Повышенный интерес к региону подогревался актуальными геополитическими проблемами – нерешенностью столь важного для России «восточного вопроса» и усилением значения колониальной политики во внешней политике страны, а также поиском новых рынков сбыта и наиболее удобных транзитных путей через Суэцкий канал к Индийскому и Тихому океанам.

В формировании представлений об эфиопском народе, его быте и культуре большую роль

играли периодические издания, публиковавшие соответствующие материалы, а также дневники и воспоминания наших соотечественников, посещавших Абиссинию. Эти документы в большинстве были опубликованы и получили широкое распространение среди читающей публики. Это походные дневники и воспоминания – членов чрезвычайной Российской дипломатической миссии в Аддис-Абебе А.К. Булатовича [15–18] и Л.К. Артамонова [19], командира охраны санитарного отряда Российского Красного Креста и Полумесяца Н.П. Краснова [20], записки бывшего врача при Императорской Российской миссии в Абиссинии А.И. Кохановского [21, с. 147–151] и другие. О стереотипах позволяют судить и официальные документы, в частности, донесения, отчеты, докладные записки и прочая дипломатическая переписка между членами Российской дипломатической миссии в Аддис-Абебе: П.М. Власовым [21, с. 97–102, 104–107, 114–116], К.Н. Лишиным [21, с. 136–137], Б.Н. Евреиновым [21, с. 137–142] и другими чиновниками министерства иностранных дел Российской империи.

В отечественной периодике конца XIX века внимание читателей акцентировалось на том, что абиссинская культура – древняя, библейская, христианская. Под влиянием материалов газет и журналов, а также издававшихся значительными тиражами дневников и воспоминаний русских путешественников в сознании наиболее образованной части российского общества формировался образ Эфиопии как «таинственной Африканской страны, сохранившей первоначальную чистоту христианской веры». В частности, такой взгляд на Абиссинию мы находим в статье «Кто такие абиссинцы?», опубликованной на страницах газеты «Московские ведомости» за 1897 г.: «Культура страны царицы Савской одна из древнейших культур земного шара, из которой в значительной степени получили свое развитие и другие культуры современного человечества... В Абиссинии библейские воззрения столь же прочны, как и воззрения христианские, причем последние сохранились в большей чистоте – в какой они сохранились на православном Востоке» [22, с. 3].

Такое представление в целом отвечало российским интересам в восточноафриканском регионе. Авторы публикаций об Эфиопии признавали: хотя эта страна не имеет особых достижений в науке и технике, мало привлекательна для Российской империи с экономической точки зрения, она, как и Россия, в будущем может быть «потенциальным врагом Англии и нашей естественной союзницей». «Политическая роль

России в Абиссинии была ясна... создать Эфиопскую империю как крепость и оплот против Египта, не дать английским колониям в Африке соединиться... Абиссиния это отвлекающий пластырь в политике, это наблюдательный пост на случай компенсации», – писал в МИД об интересах России в Эфиопии в 1913 г. А.И. Кохановский [21, с. 149].

При этом подчеркивалось, что нас объединяет не только политика, но и религия и общность исторического прошлого. Религиозный фактор мог бы стать тем стержнем, опираясь на который Россия могла бы со временем реализовать свои геополитические интересы в районе Африканского Рога. Именно через интерес к братскому христианскому народу, находящемуся в окружении «колониальных держав-хищниц», периодическая печать формировала в российском обществе идею об оказании помощи и поддержки «Стране черных христиан», обосновывала необходимость развития двухсторонних отношений. «Большинство эфиопов, бесспорно, христиане и считают себя близкими к православию, – отмечал в донесении министру иностранных дел России М.Н. Муравьеву от 1 мая 1898 года глава Российской чрезвычайной миссии в Эфиопии П.М. Власов, — этим именно, а ничем другим объясняется известное тяготение их к России и знаки некоторого доверия и дружбы, проявляемые ими лишь в сношениях с русскими. Россия, как покровительница православия на Востоке, могла бы создать интересы в Эфиопии на почве религии...» [21, с. 115].

«...Познакомившись с их верой, нравами, обычаями и государственным устройством, ни у кого больше не останется ни малейшего сомнения в том, что абиссинцы — старая культурная раса, хотя и сильно отставшая в своей культуре от Европы вследствие исторических причин. Окружена же она дикарями», – отмечал А.К. Булатович¹ [18, с. 67]. «...Они глубоко верующие христиане, сохранившие в себе много особенностей древней апостольской церкви» [18, с. 67].

Полковник Генерального штаба Л.К. Артамонов обращал внимание на давние тесные связи Абиссинии с другими цивилизациями: «Эфиопия с отдаленных времен находилась в тесных отношениях с Египтом, Ассирией, Палестиной, Римом, Византией, откуда действительно позаимствовала не только в придворном этикете, но еще более в обычаях, законах, управлении страной...» [19, с. 34]. В свою очередь русский офицер К.С. Звягин подчеркивал апостольский, глубокий характер веры абиссинцев: «Эфиопская цивилизация не выразилась

в успехах экономических, в искусстве, литературе и прочем, но отразилась в глубоко христианском складе понятий. Это христианство было не тою личиною и внешней формой, какою оно явилось у латинян и в особенности у кичащихся своей цивилизацией итальянцев – оно глубоко проникло в миросозерцание абиссинца, который упорно стремится жить по заповедям Христовым» [23, с. 3]. Таким образом, в российском общественном сознании формировался образ дружественной страны, близкой по вере и государственному устройству, ищущей помощи и покровительства России.

Действительно, общие христианские императивы стали той почвой, на которой формировались всходы двухсторонних отношений. Христианская церковь в обеих странах занимала господствующее положение и насчитывала многовековую историю. «Христиане ли абиссинцы, или их вера есть смесь языческих, христианских и иудейских верований? — задавался вопросом А.К. Булатович и отвечал вторя К.С. Звягину. — На мой взгляд, они очень близки к православию. Они глубоко верующие христиане, сохранившие в себе много особенностей древней апостольской церкви» [18, с. 67].

Несмотря на глубокие христианские корни, церкви обеих стран долгое время не были самостоятельны (Константинопольский и Александрийский коптский патриархат). Эта зависимость на начальных этапах играла положительную роль, способствовала распространению христианского вероучения и приобщению народов обеих стран к достижениям христианского мира. Однако со временем это стало серьезным препятствием на пути к самостоятельности. Русская православная церковь во многом благодаря турецкому завоеванию уже в XV веке сбросила с себя ярмо константинопольского патриархата, а эфиопская церковь еще и в XIX веке подчинялась коптскому патриарху.

Глава эфиопской церкви, назначаемый из Александрии, зачастую представлял интересы Египта, а не собственной страны, что вызывало раздражение эфиопов. «Отношения епископов между собой очень натянуты, они открыто не сходятся друг с другом во многих вопросах... Отношение абиссинского духовенства к абунам (главам эфиопской церкви) очень недоброжелательное. Они их называют наемниками», — писал в своих дневниках А.К. Булатович, не раз посещавший Эфиопию [18, с. 65]. «В среде эфиопского духовенства порой высказывается мнение о необходимости пересмотра некоторых элементов подчиненности Александрии исылке молодых священнослужителей на учебу в

Грецию или же Россию», — отмечалось в газете «Московские ведомости» за 1885 г. [21, с. 57]. К тому же за услуги высших церковных иерархов из эфиопской казны приходилось платить немалые деньги. В частности, при императоре Йоханнесе IV (1872–1889) в Абиссинию прибыло четыре абуны, из которых один стал исполнять обязанности митрополита, а трое других заняли епископские кафедры; за каждого император заплатил александрийской церкви по 10 000 талеров [18, с. 65]. Поэтому, встав на путь централизации и укрепления центральной власти, во второй половине XIX века эфиопские негусы рассчитывали на поддержку духовенства, которое было не только весьма многочисленно, но и достаточно влиятельно, чего не могли гарантировать присланные из Александрии церковные иерархи. Тогда же стала вызревать идея об автокефалии абиссинской церкви. Россия — «покровительница православия на Востоке» — могла бы поддержать Эфиопию в этом вопросе. Кроме того, эфиопы полагали, что отношения с Русской православной церковью, которая находилась в непосредственном подчинении государства, могут строиться на равноправной и взаимовыгодной основе.

Русская православная церковь также была заинтересована в сотрудничестве с абиссинцами. Появившаяся еще в XV веке концепция «Москва — третий Рим» в 50-е годы XIX века была по сути реанимирована и нашла конкретное воплощение в активной деятельности главы русской духовной миссии в Иерусалиме Порфирия Успенского (1847–1853 гг.) [24], мечтавшего об объединении восточно-христианских церквей под эгидой православия. Именно Порфирий Успенский развернул масштабную деятельность, направленную на завязывание контактов и изучение религии и жизни эфиопов [25]. По возвращении в Россию он представил ряд аналитических записок о положении дел в Абиссинии и возможностях сотрудничества. Опубликованные им статьи о стране черных христиан имели широкий общественный резонанс и стали первым кирпичиком в строительстве фундамента двухсторонних отношений. Впоследствии некоторые его идеи были развиты и реализованы.

Формированию дружественного образа Эфиопии способствовала и общность исторического пути двух стран, схожесть политического устройства. А именно: несмотря на доминирующее положение христианства в обеих странах, оно никогда не было единственной религией, поэтому борьба за чистоту веры, за распространение христианства среди поддан-

ных была одной из важнейших внутривосточных задач обоих государств. История России – это постоянное расширение на Восток, противостояние со Степью, с печенегами, половцами, монголами, кочевниками Средней Азии, Закавказья, Сибири. То же самое можно сказать и об Эфиопии, стержнем истории которой была многолетняя борьба с враждебным мусульманским окружением. Галассы (оромцы), сидамо, сомалийцы, афары и другие народы, проживающие преимущественно в восточных и южных районах Эфиопии, занимались в основном кочевым скотоводством, исповедовали ислам, который проник в Северо-Восточную Африку уже в VII веке, и далеко не всегда хотели подчиняться эфиопским императорам. Оба государства изначально формировались как полиэтнические и поликонфессиональные, поэтому «национальный вопрос» был важной составляющей внутренней политики, и от его мудрого решения во многом зависела стабильность в обществе и целостность государства.

Говоря об общих исторических чертах развития двух стран, следует отметить формы и методы создания государственности. В условиях крайне слабого развития социально-экономических предпосылок объединения, постоянных длительных междуусобиц и внешней угрозы силовые методы объединения были единственно возможными. Это касается как формирования Московского царства, которое создавалось в основном «огнем и мечем», так и создания единого Эфиопского централизованного государства. «История Эфиопии, – писал в своих дневниках А.К. Булатович, – есть беспрерывная война то с внутренними, то с внешними врагами. Основанием императорской власти может быть только действительная военная сила, и на войске, как на фундаменте, построено все остальное здание Эфиопской империи» [18, с. 41]. Отсюда военно-феодалный характер государственной власти и особая роль служилого сословия, которое составляло костяк государственного аппарата и было опорой правителя.

Царистские иллюзии также были весьма характерны для обеих стран. И в России, и в Эфиопии правитель (император, негус) воспринимался как носитель верховной власти, «благодетель, защитник интересов народа» и веры. Служение государю понималось не только как непременное условие высокого социального положения и материального благосостояния, но и как священный долг. От правителя ждали защиты, уповали на его честь, благородство, гуманность, политический ум и прозорливость.

Общность исторического пути Российской и Эфиопской империй неоднократно подчеркивалась в работах наших соотечественников и находила выражение в проводимых ими параллелях между определенными периодами российской и эфиопской истории: «По настойчивому стремлению к цивилизации, по глубокому уважению к труду, по удивительной скромности Менелик II был Петром Великим Черного материка, по беспощадной борьбе с феодалами он напоминал Ивана Грозного, более последовательного и менее жестокого» [20, с. 147], – писал А.И. Кохановский.

Можно констатировать, что во второй половине XIX века возрастает интерес российских политических кругов и общественности к Эфиопскому государству. Его причинами стали:

- вступление Российской империи в эпоху империализма, обострение межимпериалистических противоречий великих держав;
- активизация колониальной политики России как в традиционных, так и в новых направлениях (в частности, дальневосточном), поиск новых рынков сбыта и наиболее удобных транзитных путей через Суэцкий канал к Индийскому и Тихому океанам;
- геополитические интересы империи. Эфиопия, занимающая крайне важное военно-стратегическое положение (на перепутье транс-африканских путей, на пересечении африканских колониальных владений ведущих европейских держав, вблизи Баб-эль-Мандебского пролива, соединяющего Красное море и Индийский океан), была привлекательна с точки зрения возможности влияния на европейскую политику. «Россия должна пытаться создать из этой Эфиопии верного и преданного друга, готового всегда следовать ее советам, когда потребуется, могущего отвлечь внимание Европы на Африку и тем облегчить Императорскому Правительству выполнение задач у себя на границах и за пределами последних», – говорилось в донесении П.М. Власова министру иностранных дел М.Н. Муравьеву относительно характера и перспектив русско-эфиопских отношений 1 мая 1898 г. [21, с. 115].

Поэтому российская правящая элита и средства массовой информации были заинтересованы в формировании положительного образа Эфиопии в российском общественном сознании. Подобный образ был нацелен на подготовку российского общественного мнения к активизации российской колониальной политики в столь нетрадиционном для России направлении и, в случае надобности, к оправданию трат из государственного бюджета на развитие отно-

шений со столь отдаленным от русских границ регионом.

Формированию положительного образа Эфиопии в российском общественном мнении второй половины XIX века способствовал целый ряд факторов, а именно:

- международная обстановка, общие политические интересы, антианглийкая политика;
- внутривосточная ситуация в Эфиопии, противостоящей колониальной экспансии Англии, Италии и Франции и ищущей поддержки России, которая никогда не заявляла о своих колониальных интересах на Африканском континенте и, в отличие от конкурентов, никак себя не проявила в данном направлении. «...Только в лице России... Эфиопия могла бы обрести своего защитника, мощный голос коего был один в силах спасти ее от козней и хищнических попыток держав, соседних ей по колониям...», – сказал в ответной речи эфиопский император Менелик II главе Российской чрезвычайной миссии, действительному статскому советнику П.М. Власову на первой аудиенции в Аддис-Абебе 15 февраля 1898 года [21, с. 107];
- общность религии, давние религиозные контакты в Иерусалиме, стремление абиссинской церкви к автокефалии и статус России – «покровительницы православия на Востоке»;
- схожесть политического устройства и исторического пути развития двух стран.

Именно поэтому в сознании образованной части общества успешно культивировался стереотип восприятия Эфиопии как «далекой таинственной Африканской страны, сохранившей первоначальную чистоту христианской веры», ищущей поддержки и покровительства России.

Однако, как показала практика, стереотипы далеко не всегда соответствовали действительности. В большинстве статей в периодических изданиях имела место идеализация эфиопского народа, что соответствовало определенному социальному заказу со стороны российских правящих кругов. Не придавая значения экономической отсталости Эфиопии от европейских государств, российская пресса превозносила патриархальность нравов абиссинцев, их религиозность и приверженность собственной культуре. «Абиссинец и подвластный ему туземец в высшей степени просты, скромны и беспритязательны в жизни, пище, одежде, жилище и духовных запросах. Не зная роскоши, утонченного комфорта, не имея даже представления о таковых, они легко и без труда удовлетворяют свои несложные потребности, благодаря щедро рассыпанным дарам природы, в изобилии дающей в этой стране даже тому, кто и посеять по-

ленился. Без преувеличения можно сказать, что абиссинец в полном смысле слова живет как птица Божия, что не знает ни заботы, ни труда» [26, с. 14].

Нередко желаемое выдавалось за действительное. Наши соотечественники, пробывшие в Абиссинии некоторое время, осознавали, что те представления, которые распространены в России об Эфиопии и об отношении там к русским, не соответствуют реальности. «Призывая русских коммерсантов к торговле с Абиссинией, обыкновенно указывали, – отмечает Ф. Криндач, – на популярность России в Эфиопии, на тяготение этой страны к России, наконец, на единство веры. В этом заключается *громкая ошибка*, которая может привести к печальным результатам. Что касается нашего с ними единоверия, то можно сказать, что сами абиссинцы его не признают, да и его действительно нет: желающих убедиться в этом мы отсылаем к прекрасной брошюре профессора Болотова «К вопросу о присоединении абиссинской церкви к православию». А о популярности русского имени в Абиссинии, о тяготении последней к России скажем по личным наблюдениям, что ни того, ни другого не существует» [26, с. 28]. П.М. Власов писал по этому поводу в записке о следовании российской императорской миссии из Харэра в Аддис-Абебу, о прибытии в последнюю и о встрече, оказанной миссии императором Эфиопии от 15 февраля 1898 г.: «Заканчивая настоящую записку, остается еще констатировать знаменательный факт – полнейшего равнодушия, чтобы не сказать более, со стороны населения Абиссинии, проявленного к русским... Население это не только не принимало никакого участия в торжестве въезда Русской Миссии в столицу и в радости, высказанной его императором видеть ее у себя, но даже не интересовалось торжественностью обстановки ее прибытия, встречавшейся на пути процессии народ даже не приостанавливался на минуту... С таким же равнодушием относились к процессии и обитатели домов, расположенных на дороге» [21, с. 101].

Столкнувшись с абиссинской верой, наши соотечественники со временем понимали, что плодотворное сотрудничество, а тем более объединение двух церквей под эгидой православия вряд ли было возможно, поскольку монофизитство и сохранение множества пережитков язычества в обрядовой жизни эфиопов несовместимы с православными религиозными канонами и устоями. «Понятие «единоверная с Россией Абиссиния» коренится в нашем заблуждении относительно истинной религии этой страны...

Так как копты исповедуют ересь, осужденную IV Вселенским Собором, то уже поэтому трудно говорить об Абиссинии как единой стране с Россией. Если к этому добавить, что коптская религия настолько преобразовалась в Абиссинии, что приезжающие из Александрии епископы ее собственно не узнают, то окажется, что на деле никакого единоверия нет. Это признают и сами абиссинцы...», – отмечал в своей записке о характере русско-эфиопских отношений в 1906 г. надворный советник Б.Н. Евреинов [21, с.139–140].

Русские дипломаты и служащие миссии видят серьезные расхождения между православной и абиссинской обрядовой практикой, замечают невежество эфиопского духовенства, пережитки языческих культов, делающих невозможным объединение церквей. В частности, врач миссии А.И. Кохановский писал в 1913 г., что «религиозная жизнь (абиссинцев) весьма сильная верой, бедна содержанием. Духовенство часто не умеет читать. Церкви голы или покрыты изображениями, среди которых встречаются даже изображения чертей. О жизни Христа и его учении знают очень мало. Церковные облачения, утварь невыразимо убоги. Литографии святых ценятся как богатый дар. Книги церковные часто отсутствуют даже в церквях и полны грубых ошибок, сделанных переписчиками» [21, с. 148].

К тому же приходит понимание того, что абиссинские иерархи вряд ли захотят променять зависимость от коптов на зависимость от Святейшего Синода. «Во главе эфиопского духовенства находится... митрополит. (Абуна) Матеос, человек умный и самостоятельный. Честолюбие его может быть лишь удовлетворено занятием места главы автокефальной церкви и положением, равным митрополитам: Сербскому или Черногорскому. Абуна Матеоса тяготит зависимость от Коптского Патриарха, но едва ли он пожелает променять эту зависимость от лица сравнительно слабого на другую, от власти более сильной», – отмечал в донесении министру иностранных дел России В.Н. Ламздорфу глава Российской дипломатической миссии действительный статский советник К.Н. Лишин 20 июля 1904 г. [21, с. 136].

Таким образом, анализ источников позволяет понять, что африканская действительность была намного прозаичнее, чем то, как ее рисовали в российской печати. Созданный стереотип дружественной страны черных христиан оказывался на поверку размытым и далеким от действительности. Того, что разъединяло Россию и Эфиопию, оказывалось значительно больше того, что

способствовало единению. И на это были свои причины. Одна из них – слабая изученность данного региона Африки. Как отмечали уже в конце позапрошлого столетия наши соотечественники, «трудность проникнуть в Абиссинию, обособленную, окруженную пустынями и разбойничьими племенами, и неблагоприятные бытовые условия долго не давали возможности основательно и серьезно исследовать эту страну. Тем не менее на Западе в настоящее время по этому предмету существует громадная литература, насчитывающая до 3000 томов, в числе которых мы находим немало в высшей степени серьезных и добросовестных трудов. К сожалению, литература эта осталась почти неизвестной в России, в которой заинтересовались Абиссинией лишь в последнее десятилетие... в обществе и печати царили и отчасти царят до сих пор самые смутные, самые сбивчивые и противоречивые представления о ней» [26, с. 28–29].

Примечание

1. Дневники А.К. Булатовича цитируются по: Новая история Эфиопии. Учебно-методические материалы / Сост. С.В. Григорьева Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. 74 с., в которой в приложении 1 (с. 32–68) опубликован значительный фрагмент книги А.К. Булатовича «С войсками Менелика II» / – М.: Наука, 1971. 352 с.

Список литературы

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 134–158.
2. Дейкер Х., Фрейда Н. Национальный характер и национальные стереотипы // Современная зарубежная этнопсихология / Под ред. С.А. Арутюнова и др. М.: ИНИОН РАН, 1979. С. 23–44.
3. Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 242–250.
4. Васин И.И. Русско-эфиопские отношения в 80–90-е годы XIX века // Ученые записки МГЗПИ. М., 1974. 145с.
5. Взаимоотношения России с афроазиатскими странами в XIX – начале XX века. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 1987. 151 с.
6. Григорьева С.В. Русские государственные и частные инициативы в Эфиопии в 80–90-е годы XIX века. Дис... канд. ист. наук: 07.00.03. Нижний Новгород, 1997. 210 с.
7. Малыгина Н.В. Российско-эфиопские дипломатические и культурные связи в конце XIX – начале XX века. Владимир: Нерль, 2005. 210 с.
8. Райт М.В. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX – начале XX века и их этнографические

материалы // Африканский этнографический сборник. М.: Наука, 1956. С. 220–282.

9. Ханов А.А. Некоторые моменты из истории Африканского Рога на рубеже XIX–XX веков (по архивным материалам) // Эфиопские исследования. История и культура. М.: Наука, 1981. С. 59–71.

10. Хренков А.В. Русско-эфиопские отношения на рубеже XIX–XX веков // Азия и Африка сегодня. 1984. № 9. С. 28–30.

11. Jesman C. The Russians in Ethiopia. London: Chatto and Windus, 1958. 159 p.

12. Rollins P. J. Imperial Russia's African Colony // Russian Review. Vol. 27. № 4 (oct., 1968). P. 432–451.

13. Zaghi C. Russi in Etiopia. Naples: Guida, 1973. Vol. 2.

14. Агуреев С.А. Эфиопия в оценке российского общественного мнения в конце XIX – начале XX века. Дис... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2006. 211 с.

15. Булатович А.К. От Энтото до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи в 1896–1897 гг. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897. 204 с.

16. Булатович А.К. С войсками Менелика II. М.: Наука, 1971. 352 с.

17. Булатович А.К. Третье путешествие по Эфиопии. М.: Наука, 1987. 119 с.

18. Новая история Эфиопии. Учебно-методические материалы / Сост. С.В. Григорьева. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. 74 с.

19. Артамонов Л.К. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М.: Наука, 1979. 213 с.

20. Краснов П. Казаки в Абиссинии // Зов Африки. М.: Ред. журнала «Вокруг света», 1992. С. 10–112.

21. Россия и Африка. Документы и материалы (XVIII в. – 1960 г.) Т. 1. М.: ИВИ РАН, 1999. 285 с.

22. Кто такие абиссинцы? // Московские ведомости. М., 1897. № 52. С. 3–4.

23. Звягин К.С. Очерк истории современной Абиссинии. По личным впечатлениям К.С. Звягина. СПб.: Типолит. Р. Голикс, 1895. 66 с.

24. Порфирий (Успенский Константин Александрович). Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки / Под ред. Полихрония, А. Сырку. Акад. наук. Т. VII. СПб., 1901. 445 с.

25. Порфирий (Успенский Константин Александрович). Богослужение Абиссинов. Еп. Порфирия Успенского. Киев: тип. Киево-Печерской Лавры, 1869. 77 с.

26. Криндач Ф. Очерк промышленности и торговли Абиссинии. СПб.: Типолит., ул. Б. Морская, 65, 1899. 30 с.

MYTHOLOGIZED STEREOTYPES IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS: THE ETHIOPIAN EMPIRE AS SEEN BY RUSSIANS

S.V. Grigorieva

The article analyses the stereotypes in the perception of Ethiopia in the Russian Empire in the late 19-th and early 20-th centuries, the causes and conditions for their forming and how these stereotypes matched the reality.

Keywords: cross-cultural communications, Russia and Ethiopia, perception stereotypes.